

О культурно-исторических источниках зарождения целеполагания в составе произвольно-преднамеренной и волевой регуляции

С.В. Маланов*,
НОЧУ ВО МИП, Москва, Россия,
MalanovSV@mail.ru

Обсуждаются закономерности развития произвольно-преднамеренной и волевой организации и регуляции действий, а также соответствующих им особенностей целеполагания. Выделяются центральные направления развития человеческих форм целеполагания в антропогенезе и историческом развитии человечества: 1) изменение способов установления мотивационных отношений; 2) необходимость распределять и согласовывать цели и соответствующие им действия во временной перспективе; 3) необходимость создавать социокультурные средства организации индивидуальной мотивации и целеполагания при выполнении действий, которые соответствуют общественным ожиданиям и требованиям. Показывается, что человеческие формы целеполагания обусловлены закономерностями культурно-исторического развития высших психических функций и не могут получить объяснение на основе построения моделей переработки информации и анализа развития нейрофизиологических функций. При этом нейрофизиологические функции выступают в качестве необходимого условия, но не могут рассматриваться в качестве источников и причин развития человеческого целеполагания.

Ключевые слова: целеполагание, произвольная и преднамеренная организация действий, волевая регуляция, культурно-историческое развитие высших психических функций.

On the Cultural-Historical Origins of Goal-Setting Within Voluntary and Volitional Regulation

S.V. Malanov,
Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia,
MalanovSV@mail.ru

The paper discusses the patterns of development of voluntary and volitional organisation and regulation of actions and the corresponding features of goal-setting. The following central lines in the development of human forms of goal-setting in anthropogenesis can be traced: 1) the change in the ways of establishing motivational relations; 2) the need to distribute and coordinate goals and corresponding actions in time perspective; 3) the need to create sociocultural means of organizing individual motivation and goal-setting when performing actions that meet public expectations and requirements. It is shown that human forms of goal-setting are determined by the laws of cultural-historical development of higher mental functions and cannot be explained by constructing information processing models or by analysing neurophysiologi-

Для цитаты:

Маланов С.В. О культурно-исторических источниках зарождения целеполагания в составе произвольно-преднамеренной и волевой регуляции // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 22–31. doi: 10.17759/chp.2019150203

For citation:

Malanov S.V. On the Cultural-Historical Origins of Goal-Setting Within Voluntary and Volitional Regulation. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 22–31. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150203

* *Маланов Сергей Владимирович*, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования, Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО МИП), Москва, Россия. E-mail: *MalanovSV@mail.ru*
Malanov Sergey Vladimirovich, PhD in Psychology, Professor, Department of Educational Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia. E-mail: *MalanovSV@mail.ru*

cal functions development. These functions are certainly necessary, but they cannot be considered as the sources or the reasons for the development of human goal-setting.

Keywords: goal-setting, voluntary and deliberate organisation of actions, volitional regulation, cultural-historical development of higher mental functions.

Когда в теоретической психологии обсуждаются источники способностей людей ставить цели, выносить их в будущее и подчинять им собственную активность, как правило, не ставится вопрос о генезисе человеческого целеполагания в период антропогенеза и в процессах исторического развития человечества. Вместе с тем возможности людей опираться на совершенствующиеся в онтогенезе произвольно-преднамеренные и волевые формы организации и регуляции действий и поступков, а также различная степень сформированности таких способностей у людей начинают выделяться уже в текстах античных философов [9; 11].

Попытки выявить причины, лежащие в основе формирования и развития произвольно-преднамеренной и волевой организации и регуляции действий, а также соответствующих им особенностей целеполагания опираются на два типа гипотез. Во-первых, это гипотезы о развитии психики в результате эволюции у животных организмов структур и функций головного мозга, которые рассматриваются в качестве основных источников порождения психических процессов и организации поведения. Последовательная конкретизация таких гипотез неизбежно приводит к разным видам информационного и физиологического редукционизма — сведения психических функций к гипотетическим процессам «переработки информации», которые, в свою очередь, сводятся к множеству нейрофизиологических и биохимических процессов в мозге [32; 33; 34].

Во-вторых, это гипотезы о появлении психики в результате эволюционного совершенствования у животных организмов особых функций обследования окружающей среды (ориентировки), которые позволяют избирательно направлять и организовывать взаимодействия с окружающей средой. Конкретизация таких гипотез характеризует центральные направления развития системно-деятельностной культурно-исторической психологии [17; 21; 28]. Вместе с тем в таком теоретическом контексте недостаточно конкретизированы закономерности генезиса произвольно-преднамеренной и волевой регуляции. Уже в период антропогенеза формируются специфически человеческие особенности совместной ориентировки людей и организации взаимодействий с окружающей средой, которые начинают транслироваться из поколения в поколение [23]. Поскольку человеческие формы произвольности, преднамеренности и волевой регуляции имеют общественно-историческое происхождение и формируются в онтогенезе на основе овладения каждым ребенком мотивационными отношениями и способами целеполагания, постольку уместно выдвижение гипотез об их историческом генезисе [12; 34].

Анализируя развитие общественных форм жизнедеятельности и особенностей организации человеческих действий, а также соответствующих им высших психических функций полезно обратить внимание на две стороны трансляции культурно-исторического опыта: а) трансляция способов организации предметных действий и способов использования орудийных средств, овладение которыми требуется для поддержания и совершенствования производственных отношений с природной средой; б) трансляция способов организации взаимодействий между людьми, овладение которыми необходимо для поддержания социальных и межличностных отношений. Поэтому каждый человек с момента рождения в большей или меньшей степени овладевает: а) способами произвольно-преднамеренного целеполагания и умениями соподчинять цели при выполнении последовательностей предметных действий; б) человеческими мотивационными отношениями, а также индивидуальной мерой ответственности перед сообществом при организации взаимодействий с людьми и за последствия выполнения действий [6; 7].

Общественное производство условий для жизнедеятельности каждого члена первобытного сообщества, строящееся на основе накопления и трансляции культурно-исторического опыта, необходимо ведет к развитию коллективных форм целеполагания и произвольно-преднамеренных и волевых форм реализации действий [9; 26]. В общественной деятельности, предполагающей постоянное перераспределение действий, формируются совместные умения ставить цели и выносить их в будущее, совместно планировать и выполнять *взаимно-подчиненные действия*, когда достижение цели одного действия является условием для достижения цели второго действия, которое служит условием для достижения цели следующего действия и т. д. Также совершенствуются умения совместно планировать и выполнять *отсроченные (преднамеренно-произвольные) действия*, которые сначала намечаются, а практически реализуются позднее — в условиях намеченной ситуации [22]. Такие действия и выступают основой человеческих способов реализации, как общественных видов деятельности, так и мотивационно значимых направлений жизненной активности каждого субъекта.

Вместе с тем развитие целеполагания, произвольно-преднамеренной организации и регуляции действий в процессе антропогенеза и исторического развития человечества связано с формированием в сообществах людей взаимных ожиданий и требований, побуждающих к постановке одних целей и организации соответствующих действий и налагающих ограничения, запреты, «табу» на другие цели и действия. Поэтому в любом человеческом сообществе с

рождения каждый ребенок в большей или меньшей степени учится ставить цели, предполагающие подчинение направлений собственной активности ожиданиям других людей и общественным ожиданиям. На такой основе формируются *волевые действия*, организация которых имеет ряд особенностей:

- при постановке и выборе целей доминирующее мотивационное значение для субъекта приобретают общественные ожидания, а также интересы других людей и сообщества [6];

- такие цели могут ставиться даже в ущерб индивидуальным мотивационным отношениям, что порождает субъективное переживание эмоциональной напряженности и «борьбы мотивов» [24];

- субъектом частично осознаются, анализируются и произвольно организуются мотивационные основания выбора и постановки целей в ситуациях, где индивидуальные мотивы вступают в противоречие с общественными ожиданиями, требованиями и ограничениями [9; 10];

- при этом общественные ожидания и интересы других людей и общества могут приобретать доминирующее мотивационное значение (личностный смысл) для субъекта, становиться убеждениями, которые образуют основу «волевой личности» [8].

В период антропогенеза отношения предковых форм человечества с природной средой постепенно освобождаются от «давления» естественного отбора. Человечество переходит к общественно-историческим (культурно-историческим) формам жизнедеятельности. Потребности каждого субъекта начинают удовлетворяться на основе распределения действий в составе общественной деятельности, обеспечивающей производство, распределение и потребление создаваемых продуктов. В зарождающихся человеческих сообществах начинают *требовать разрешения противоречия между*: а) подчиненной задачей выживания и размножения *индивидуальной направленностью жизнедеятельности* на удовлетворение биологических (естественных) потребностей во взаимодействиях с природной средой и особями своего вида; б) *общественными формами жизнедеятельности* и удовлетворением потребностей в распределенных между членами сообщества трудовых действиях. Разрешение таких противоречий становится возможным на основе постепенного разрыва сформированных в процессе эволюции связей между естественными потребностями и биологически значимыми объектами (признаками и свойствами объектов) природной среды, которые избирательно ориентируют, направляют поведение и предопределяют его особенности. В результате органические потребности людей (в отличие от биологических потребностей животных) отделяются: а) от эволюционно сложившихся способов удовлетворения; б) от непосредственного использования природных объектов, служащих их удовлетворению [5; 6].

Способы приспособления к изменяющимся условиям природной среды на основе эволюционно-биологического преобразования видов организмов замещаются в человеческих сообществах способами

преобразования природной среды на основе накопления и трансляции общественно-исторического опыта. При этом *цели, на достижение которых направляются действия членов человеческого сообщества*: а) *начинают определяться не биологическими потребностями и условиями природной среды, а общественной необходимостью и общественными задачами*; б) *приобретают значение не только в индивидуальной деятельности, но также в составе общественной деятельности*. Поэтому с момента рождения представителям такого сообщества *приходится учиться*: а) *способам постановки общественно значимых целей*; б) *умениям подчинять таким целям собственные действия и направления жизнедеятельности*. Появляется необходимость развития способностей представлять и прогнозировать возможные результаты действий и способы их достижения путем выделения объективных устойчиво воспроизводимых межсубъектных и межпредметных отношений и связей. Развитие таких способностей становится возможным на основе: а) общественного изготовления и использования орудийных средств; б) совершенствования способов использования языковых и других знаково-символических средств, которые позволяют организовывать взаимодействия между членами сообщества, обмениваться сообщениями, а также фиксировать способы и результаты познавательной-ориентировочной активности.

Использование, изготовление и совершенствование орудийных средств наряду с воспроизводством и совершенствованием материальной человеческой культуры ведет к выделению и трансляции в поколениях орудийных действий и операций. В результате орудийные средства приобретают знаково-символические функции. С помощью орудия выделяются, фиксируются и обобщаются: а) способы выполнения орудийных операций; б) предметные свойства объектов, которые выявляются при использовании орудийных средств. Такие обобщения образуют *предметные значения*, которые в последующем могут обозначаться с помощью языковых и других знаково-символических средств и «отделяться» от практических действий и орудий, обеспечивая актуализацию совместных способов ориентировки людей в возможных предметных ситуациях и планирование возможных действий в возможных предметных ситуациях — формируются *вербальные значения*. В результате накапливается и совершенствуется совокупность совместных (общественных) знаний — способов ориентировки и организации действий в возможных предметных условиях, которыми могут обмениваться члены сообщества с помощью знаково-символических средств. Так развивается система общественно выработанных значений, на основе которых формируются специфические формы психической ориентировки людей — сознание [5; 6; 13; 20; 18; 27].

Если в процессах эволюции животных организмов психические функции зарождаются и совершенствуются в качестве способов ориентировки и организации взаимодействий с природной средой, то в человеческих сообществах психические функции актуализируются

и совершенствуются в качестве способов ориентировки и организации взаимодействий с людьми и предметами человеческой культуры в реальных и возможных условиях общественной деятельности [7; 21].

Историческое развитие психических функций у людей (высших психических функций) выступает следствием дифференциации исходных форм общественной жизнедеятельности в предковых сообществах людей во множество производных типов и видов человеческих действий с их последующим выделением в самостоятельные виды общественной деятельности. В составе любой общественной деятельности в качестве функциональных единиц выделяются действия, которые подчинены предварительно поставленным и вынесенным в будущее целям. Специализация субъектов в выполнении действий ведет к разделению труда по множеству оснований. Выделяются и дифференцируются действия, которые: а) имеют разное общественное значение; б) становятся мотивационно значимыми для отдельных субъектов и начинают определять их индивидуальные направления реализации жизнедеятельности в сообществе; в) порождают множество требующих постоянного разрешения межсубъектных и социальных противоречий [17; 18; 19].

Практическая сторона общественной деятельности и общение между членами сообщества первоначально составляют единый процесс. Общение между субъектами первоначально служит непосредственному ситуативному целеполаганию, планированию, организации и управлению совместной деятельностью на основе распределения действий между членами сообщества с помощью исходных предметно-имитационных и имитационно-жестовых средств. Технологическое усложнение действий в процессах их общественной организации и трансляции ведет к совершенствованию предметно отнесенных имитационно-жестовых и формированию языковых средств общения. Языковые средства дифференцируются в двух главных направлениях. Во-первых, в направлении расширения диапазона единиц номинативной лексики — выделения и обозначения с помощью слов все более широкого диапазона вовлекаемых в общественную деятельность объектов, их предметных свойств, межпредметных отношений и связей, а также способов организации и выполнения предметных операций и действий. Во-вторых, в направлении совершенствования синтаксиса — способов организации совместных практических, а позднее и умственных действий на основе комбинирования лексических единиц в составе коммуникативных взаимодействий. По мере дифференциации языковых средств и совершенствования способов их использования в составе общественной деятельности постепенно выделяется коммуникативная сторона общения — обмен способами ориентировки [16].

Поскольку любое действие предполагает: а) выбор и постановку цели; б) предварительную ориентировку (ориентировочные операции); б) планирование (операции планирования); в) исполнение, обеспечивающее получение конкретного продукта (испол-

нительные операции); г) контроль, оценку и, при необходимости, коррекцию результата (контрольные и корректировочные операции), — то в результате распределения соответствующих операций между членами сообщества происходит их преобразование в самостоятельные действия [6]. На такой основе в соответствии с «механизмом сдвига мотива на цель» выделяются производные виды деятельности — деятельности планирования, организации, исполнения, контроля [19]. При этом коммуникативно-организационные аспекты общественной деятельности преобразуются в специализированные виды действий и деятельности, которые заключаются в планировании, организации и управлении действиями других людей:

- в общественных видах деятельности отдельные субъекты начинают специализироваться в организации предварительной ориентировки и планирования возможных действий;

- возникают условия для того, чтобы речь выделилась из ситуативного общения и приобрела новые функции — организации совместных надситуативных умственных действий (совместных обобщенных способов ориентировки в возможных предметных условиях) и фиксирования их результатов с помощью языковых средств;

- в составе исходных совместных умственных действий формируются индивидуальные умственные действия на основе использования «речи для себя» («эгоцентрической речи»), которая не требует внешней звуковой формы и начинает опираться на сокращенные артикуляционно-мышечные процессы — формируется «внутренняя речь».

- в результате отдельные субъекты становятся носителями индивидуального образа мира и индивидуального сознания, которые производны от общественных форм сознания — накапливаемых и транслируемых в поколениях совместных способов ориентировки в предметных условиях окружающего мира при организации совместных действий.

Опосредствованные внутренней речью действия и операции предварительной ориентировки и планирования возможных действий в составе разных видов деятельности преобразуются в умственные познавательно-ориентировочные и познавательно-конструктивные виды действий, обеспечивающие получение особых продуктов, субъективно выделяемых в качестве представлений и понятий [6; 7; 16; 18].

Особенности общественной жизнедеятельности и общественного производства имеют две важные стороны: а) организация производственных отношений сообщества людей с природной средой; б) организация общественных и межличностных отношений внутри сообщества. Если содержание оснований и объяснений, в соответствии с которыми предъявляются общественные ожидания и требования к организации общественного производства и предметно-практических действий, могут верифицироваться объективно получаемыми результатами и практическим опытом, то основания и объяснения ожиданий и требований, которые предъявляются к субъекту в системе общественных отношений, а также в межличностных

взаимодействиях насыщены противоречиями. Это связано с историческими процессами социально-экономической стратификации и классового расслоения общества. Вслед за развитием орудийных средств и технологий общественного производства изменяются общественные отношения, что необходимо приводит к изменениям ожиданий и требований, которые избирательно предъявляются к членам сообщества, занимающим разные социальные позиции. Необходимость разрешать такие противоречия выступает главным фактором формирования волевой регуляции — развития таких способов целеполагания, которые предполагают ориентировку субъекта в содержании собственных мотивационных отношений, с одной стороны, и общественных требований и ожиданий — с другой. В процессах трансляции культурно-исторического опыта формирующиеся у каждого представителя человеческого сообщества содержательные особенности образа мира, а также сознательные формы ориентировки, целеполагания и организации действий предполагают не только интериоризацию общественных ожиданий, требований и ограничений, но и их обоснование, объяснение. Поэтому в содержании социальных ожиданий, требований и ограничений полезно выделять три составляющие [2; 3]:

- предписывающую часть, которая служит указанием на то к чему и как человек должен относиться, что и как он должен делать (не делать);
- аргументирующую часть, служащую основанием, объяснением тому, почему человек должен к чему-то относиться или что-то делать (не делать) именно так, а не иначе;
- отношения и связи между предписанием и аргументацией.

Предписывающая часть социальных ожиданий или требований может иметь разные формы и содержательные характеристики, включать: а) содержательно-позитивное предписание — указания на то, что и как человек должен делать; б) содержательно-негативные предписания и запреты — указания на то, что и как человек делать не должен. Может формулироваться как пожелание, просьба, требование, табу и т. д.

Аргументирующая часть (основание, объяснение) также может иметь разные формы и содержательные характеристики. Аргументация может строиться на обещании положительных последствий в случае следования социальным ожиданиям и требованиям или негативных последствий в случае не соответствия поведения субъекта соответствующим ожиданиям или отказа от выполнения требований. Такие последствия могут распространяться: а) на самого субъекта; б) на других людей; в) на социальные отношения и связи в сообществе. Аргументация может быть реалистичной, правдоподобной или ложной, мистической. Содержание аргументирующей части может иметь или не иметь личностный смысл — эмоциональную или мотивационную привлекательность для субъекта и т. п.

Между предписаниями и аргументацией могут устанавливаться различные связи и отношения: причинно-следственные (например, «... следует что-то

делать / не делать потому, что...») или телеологические (например, «...следует что-то делать / не делать для того, чтобы...»); достоверные или ложные, опирающиеся на результаты практического опыта или на веру в содержание религиозно-мистических гипотез, и т. д. При этом такие связи могут быть ясны, понятны субъекту или не ясны, не понятны.

Если в первобытных сообществах общественные ожидания и требования исходно опираются на стихийно формирующиеся мифологические, мистические и религиозные основания и объяснения, то по мере исторического развития человечества они начинают опираться на политические формы организации законодательной деятельности и идеологические средства организации массового сознания, направленные на обоснование и объяснение складывающихся общественных отношений.

В условиях развития первобытного общества формируются, совершенствуются и транслируются совместные способы ориентировки в окружающем мире (сознание), которые используются в качестве средств организации общественно значимых видов деятельности. При этом широкое распространение получают предметно-имитационные действия и имитационная магия с использованием реальных орудийных средств, воспроизводящих соответствующий вид деятельности — совместные ритуализированные действия, которые обеспечивают ориентировку, планирование и имитационное совместное исполнение возможных видов совместной деятельности (защита территорий, охота, военные действия, земледелие и др.). Такие действия обеспечивают внешние формы совместного планирования и организации жизнедеятельности общины, создавая целенаправленность и взаимную соподчиненность целей у членов сообщества, что необходимо для достижения общественно значимых результатов. Имитационные и ритуализированные действия и выступают в качестве исходных средств организации совместной произвольно-преднамеренной общественной деятельности и жизнедеятельности первобытной общины. Функции организации, распределения и регуляции действий и социальных отношений начинают осуществляться вождями, старейшинами, шаманами, колдунами. Поэтому вслед за развитием в первобытных сообществах общественной деятельности: а) меняются объекты, на которые направляются магические действия; б) выделяются субъекты, реализующие магические действия; в) совершенствуются средства и способы реализации магических действий; г) зарождаются мифологические и мистические обоснования социальной дифференциации, стратификации и классового расслоения в сообществах людей [12].

В процессе исторического развития по мере совершенствования способов использования языковых средств в организации взаимных действий и общении магические обряды упрощаются и схематизируются: реальные орудия заменяются ритуальными объектами, имитационные действия — словесными обозначениями. В имитационных и магических практиках начинают широко использоваться умственные дей-

ствия с воображаемым содержанием, организуемые с помощью речевых указаний (мифов, заклинаний, обращений к духам, божествам). Распространенными средствами в магических практиках становятся маски и наряды, обозначающие мифологических или мистических персонажей, а также определенные социальные роли [14; 15].

Изначально вербальная магия и соответствующие мифологические, мистические и религиозные представления выступают в качестве средств обоснования и объяснения взаимной организации и регуляции совместных действий, а также общественных ожиданий, требований и ограничений. Позднее вербальная магия становится социокультурным средством произвольно-преднамеренной и волевой регуляции, приобретая все особенности индивидуального целеполагания и организации индивидуальных практических, а затем и умственных действий. Это хорошо иллюстрируется изменениями в организации действий по перенесению магической силы на объекты:

- контактные магические действия, когда непосредственно на объект оказывается воздействие с помощью разных средств и источников, обладающих магической силой (использование амулетов, талисманов, зелья и т. п. при взаимодействии с объектом);
- магические действия, выполняемые в отсутствие объекта воздействия по отношению к доступным частям объекта (волосы, ногти) или по отношению к предметам, бывшим в соприкосновении с объектом (объедки, части одежды, отпечатанный след стопы и т. п.);
- магические действия, направленные на материальные символические заместители (куклы, фигуры, изображения) объектов, обеспечивающие через такие заместители воздействия уже на сами объекты;
- магические действия, направленные на пространственно недостижимый, недоступный объект, представления о котором актуализируются с помощью языковых и иных знаково-символических средств.

Таким образом, если исходно в магических действиях значительное место занимают имитационно-исполнительные компоненты, которые сопровождаются речевыми обозначениями, то в последующем такие компоненты сокращаются и замещаются речевыми действиями (заговоры, заклинания) и умственно актуализируемыми анимистическими и религиозно-мистическими представлениями [29, с. 426–432].

Если имитационная магия носит характер совместных форм произвольной преднамеренной организации действий в составе общественной деятельности, а также взаимодействий между людьми в системе общественных отношений, то запреты и табу накладывают избирательные социально контролируемые ограничения на организацию и выполнение определенных действий и межсубъектных (межличностных) взаимодействий. Поэтому наряду с внешними формами ограничений, запретов, табу, начинают широко распространяться индивидуальные способы избирательных самоограничений, которые на основе интериоризации содержания таких запре-

тов и их религиозно-мистических обоснований обеспечивают самостоятельный отказ людей от определенных привлекательных действий и возможностей [1; 14; 15; 31].

Таким образом, предъявляемые к членам сообщества ожидания, требования и ограничения необходимо предполагают интерпретации и объяснения, основаниями для которых выступают не только результаты практического опыта, но и формирующиеся в сообществах людей мифологические, мистические и религиозные представления, которые усваиваются (интериоризируются) каждым членом сообщества с момента рождения. По мере общественно-исторического развития сообществ функции внешних социальных ограничений и запретов начинают выполнять этические нормы и законы, содержание которых также интериоризируется.

Так, исходное содержание мифов направлено на объяснение явлений. Широко известны космогонические, антропогонические, эсхатологические мифы, мифы о небесных явлениях, зарождении социальных сообществ, животных, людей. Сюжеты мифов неизменно соответствуют материальным условиям и особенностям общественной жизнедеятельности, характеризующим соответствующие сообщества. При этом объяснения явлений в содержании мифов основываются не на объективных причинно-следственных связях, а на олицетворении и персонификации, как природных явлений, так и оснований, на которых строятся и организуются социальные отношения. Во множестве мифов присутствует идея запретов и возможного возмездия, наказания за их нарушение. При этом, как правило, мифологические события отделены от настоящего большим промежутком неопределенного времени. Мифы становятся религиозными, когда их содержание начинает использоваться для объяснения и обоснования необходимости верить в наличие влияющих на жизнь людей духов, богов и соблюдать религиозные культы, которые становятся социокультурными средствами организации и регуляции общественных и межличностных отношений [29, с. 507–551]. *Представления о сверхъестественных явлениях становятся социокультурными средствами обоснования, интерпретации и объяснения либо отношений людей к природным явлениям, либо отношений между членами сообществ (социальных межсубъектных, межличностных).*

По мере социального расслоения сообществ мифологические, мистические и религиозные представления наибольшее значение приобретают в качестве оснований для сохранения и поддержания общественных и межличностных отношений. Так в родовой общине на основе имитационно-магической практики вырастают магические представления и выстраиваются анимистические образы духов. В качестве характерной для родového общества религии выступает тотемизм, обеспечивающий обоснование и объяснение соответствующих кровнородственных форм общественных отношений. Тотемизм строится на основе интериоризации веры в сверхъестественные родственные связи, существующие между

определенными группами людей и животными или растениями, часто характеризуется культом семейно-родовых святынь и культурами предков. Представления о тотемических предках образуют мифологическую персонификацию единства группы, преемственности ее традиций и общности ее происхождения [29; 30].

По мере специализации членов сообществ в организации и реализации трудовых действий и распределении ролевых позиций в системе социальных отношений, по мере появления устойчивых межродовых объединений и выделения органов власти (совет старейшин, вожди) на смену исходным общинно-родовым формам организации приходит племенная организация сообществ. Для нее характерны такие формы религиозных обоснований и объяснений общественных и межличностных отношений, как культы племенных богов, вождей, шаманизм, нагуализм. Например, в качестве оснований для объяснения сложившихся общественных и межличностных отношений в шаманизме выступает интериоризация веры в наличие у отдельных членов сообщества возможностей общения с населяющими сверхъестественный мир духами, представления о которых приобретают антропоморфный характер [25]. В нагуализме (культ личных духов покровителей) интериоризируется вера в возможность установления каждым членом сообщества индивидуальных отношений с миром духов и сверхъестественных событий, которая приобретает личными усилиями самого субъекта или путем влияния на него сверхъестественных сил (культ фетишей, вера в маниту у индейцев). Содержательные компоненты такой веры прямо или косвенно используются для обоснования и объяснения сложившихся социальных и межличностных отношений.

В эпоху разложения первобытнообщинного строя и появления классовых форм общественной организации появляются образы богов, с помощью которых объясняются и обосновываются экономическое и социальное (классовое) расслоение в сообществах людей, а также соответствующие формы организации общественных отношений, основанные на неравенстве экономических, политических и социальных возможностей. Так, появление иерархически организованных классовых общественных отношений (Вавилон, Ассирия, Древний Египет, Древняя Греция) ведет к выделению представлений о пантеоне богов, между которыми выстраивается иерархическая организация отношений и взаимодействий, служащая объяснительной моделью для обоснования реальных социальных и межличностных отношений в обществе. При этом появление новых форм религии, прежде всего, строится на новых формах производственных и общественных отношений. А предшествующие религиозные представления постепенно преобразуются и вытесняются новыми формами их организации [29, с. 376–403].

С зарождением монархических форм организации общественных отношений начинают выстраиваться и соответствующие содержательные формы религиозно-мистических оснований для построения

объяснений. Языческие формы верований и политеизм, вытесняются монотеизмом. А по мере развития капиталистического способа производства на основе ускоряющегося научно-технического прогресса и распространения научного мировоззрения формирующиеся общественные отношения перестают требовать религиозно-мистических обоснований и объяснений, которые становятся неубедительными и уходят на второй план. Организация обоснований и объяснений экономического неравенства и, как следствие, социального неравенства становится особой проблемой для правящего класса и экономически состоятельной части общества. Начинают использоваться научные и псевдонаучные основания и способы анализа и объяснения сложившихся социальных отношений, а также экономического и социального неравенства. А средствами для интериоризации членами сообществ таких оснований, объяснений и псевдообъяснений начинают служить идеология и политические технологии.

Таким образом, развитие индивидуальных форм целеполагания, а также произвольно-преднамеренной и волевой организации действий может строиться как на религиозно-мистической основе — путем интериоризации суеверий, так и на основе интериоризации научных и псевдонаучных объяснений, законодательных требований и ограничений, а также этических представлений и норм образующих основу индивидуальной нравственности.

Выводы

Человеческие формы целеполагания обусловлены закономерностями культурно-исторического развития и не могут получить объяснение на основе построения моделей переработки информации и анализа развития нейрофизиологических функций.

Уже в период антропогенеза в родовой общине или племени возникает необходимость организовывать и избирательно транслировать: а) определенные виды целеполагания, распределения и организации действий в составе общественной деятельности; б) способы организации общественных и межличностных отношений внутри сообществ и между сообществами.

В процессе исторического развития формируются и изменяются социокультурные средства и способы распределения действий в составе общественной деятельности, а также средства и способы организации социальных отношений на основе распределения социальных позиций между членами сообществ. Историческое развитие таких социокультурных средств определяет особенности формирования и интериоризации индивидуальных мотивационных отношений, направлений целеполагания, а также способы их обоснования, а, следовательно, и их осознания у членов сообществ.

Трансляция в череде поколений человеческих приемов и способов вынесения целей в будущее, а также способов соподчинения целей, направленных на реализацию, как индивидуальных мотивационных

отношений, так и ожиданий и требований со стороны других людей и общества, подчиняется культурно-историческим закономерностям формирования и развития высших психических функций.

• По мере накопления культурно-исторического опыта совершенствуются способы использования предметно-имитационных, жестовых, языковых, знаково-символических средств, обеспечивающих организацию и социальное распределение действий и межсубъектных взаимодействий, у каждого члена общества формируются *индивидуальные способы ориентировки в мире и организации мотивационно привлекаемых направлений жизненной активности*.

• На основе интериоризации принципов и оснований социального распределения действий и регламентации межсубъектных (межличностных) отношений на каждом этапе исторического развития у членов сообществ *формируются приемы индивидуального целеполагания, регуляции собственных действий и направлений жизненной активности в системе общественных отношений*.

• На каждом этапе исторического развития человечества на основе внешней регуляции со стороны других людей у каждого члена человеческого сообщества формируются *умственные формы самостоятельной регуляции индивидуальных направлений жизнедеятельности*.

При этом человеческие формы целеполагания имеют ряд направлений развития:

• отделение мотивационных отношений и процессов целеполагания от двух центральных для животных организмов задач — выжить в условиях природной среды, достигнув половой зрелости, и оставить как можно более жизнеспособное и многочисленное потомство;

• появление необходимости в условиях общественной деятельности распределять и согласовывать цели и соответствующие им действия, которые приобретают взаимно-подчиненный характер и выносятся во все более отдаленное будущее; этим обуславливается центральное направление развития произвольных и преднамеренных действий.

• появление необходимости в условиях общественной жизнедеятельности создавать социокультурные средства для индивидуальной мотивации, целеполагания и выполнения таких действий, которые соответствуют общественным ожиданиям и требованиям, а не только индивидуально складывающимся у субъекта мотивационным отношениям; такая необходимость выступает главным фактором развития волевой регуляции.

Включение ребенка с момента рождения в определенные социально организованные условия взаимодействия с людьми и предметами человеческой культуры обуславливает развитие человеческих форм индивидуального целеполагания, преднамеренно-произвольной организации действий, а также развитие волевой регуляции. Овладение человеческими формами ориентировки и преднамеренного целеполагания и лежит в основе субъективного переживания «свободы воли». При этом нейрофизиологические функции выступают в качестве необходимого условия, но не являются источником и причиной развития человеческого целеполагания, а также человеческой произвольности, преднамеренности и волевой регуляции в реализации как предметных действий, так и межсубъектных (межличностных) взаимодействий, как в процессе исторического развития человечества, так и в онтогенезе каждого человека.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-01108 «Социокультурные детерминанты формирования волевой регуляции».

Funding

This work was supported by grant RFBR № 18-013-01108.

Литература

1. Абукаева Л.А. Запреты в системе воззрений мари. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2018. 212 с.
2. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
3. Вилюнас В.К. Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. 458 с.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: «Педагогика», 1983. 368 с.
5. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика, 1993. 224 с.
6. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 480 с.

References

1. Abukaeva L.A. Zaprety v sisteme vozzrenii mari: monografiya [Prohibitions in the system of views of the Mari]. Ioshkar-Ola: Publ. Mari State University. 2018. 212 p.
2. Vilyunas V.K. Psikhologicheskie mekhanizmy motivatsii cheloveka [Psychological mechanisms of human motivation]. Moscow: Publ. Moscow State University, 1990. 288 p.
3. Vilyunas V.K. Psikhologiya razvitiya motivatsii [Psychology of development of motivation]. Saint-Petersburg: Publ. Rech', 2006. 458 p.
4. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: V 6 t. T. 3. Problemy razvitiya psikhiki [Collected Works: in 6 vol. Vol. 3. Problems of development of the mind]. Moscow: Publ. Pedagogika, 1983. 368 p.
5. Vygotskii L.S., Luriya A.R. Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok [Studies on the

7. Гальперин, П.Я. Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. 400 с.
8. Гиппенрейтер Ю.Б. Деятельностный подход к воле: альтернативы / Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра. М.: Смысл, 2006. С. 80–91.
9. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: УРАО, 1998. 144 с.
10. Иванников В.А. Основы психологии. Курс лекций. СПб.: Питер, 2010. 336 с.
11. Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н., Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
12. Иванников В.А., Шляпников В.Н. Воля как продукт общественно-исторического развития человечества. // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 3. С. 111–121.
13. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М.: Прогресс, 1983. 302 с.
14. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
15. Леви-Строс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. 399 с.
16. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2003. 216 с.
17. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965. 574 с.
18. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 511 с.
19. Леонтьев А.Н. Эволюция, движение, деятельность. М.: Смысл, 2012. 560 с.
20. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Издательство Московского университета, 1979. 320 с.
21. Маланов С.В. Методологические и теоретические основы психологии. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2012. 407 с.
22. Маланов С.В. От определения психических явлений к анализу направлений развития действий // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 2. С. 31–40. doi:10.17759/chp.2017130204
23. Робертс Э. Эволюция. Происхождение человека. М.: АСТ, 2014. 256 с.
24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2008. 713 с.
25. Серкин В.П. Хохот шамана. М.: Зебра Е, 2004. 176 с.
26. Смирнова Е.О. Развитие воли и произвольности в раннем и дошкольном возрастах. М.: «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 256 с.
27. Соломоник А. Семантика и лингвистика. М.: Молодая гвардия» 1995. 352 с.
28. Сурмава А.М. Мышление и деятельность. М.: НИУ МИЭТ, 2012. 264 с.
29. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
30. Хейердал Т. Аку-Аку. Тайна острова Пасхи. М.: Государственное издательство детской литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1959. 295 с.
31. Фрезер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: АСТ, 2003. 784 с.
32. Фритт К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: АСТ; CORPUS, 2014. 335 с.
33. Шляпников В.Н. Исследования волевой регуляции в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 135–144.
- history of behavior: Monkey. Primitive. Child]. Moscow: Publ. Pedagogika, 1993. 224 p.
6. Gal'perin P.Ya. Psikhologiya kak ob'ektivnaya nauka [Psychology as an objective science]. Moscow: Publ. Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, Voronezh: Publ. NPO «MODEK», 1998. 480 p.
7. Gal'perin, P.Ya. Leksii po psikhologii [Lectures on Psychology]. Moscow: Publ. Knizhnyi dom «Universitet»: Vysshaya shkola, 2002. 400 p.
8. Gippenreiter Yu.B. Deyatel'nostnyi podkhod k vole: al'ternativy [Activity approach to the will: alternatives]. Psikhologicheskaya teoriya deyatel'nosti: vchera, segodnya, zavtra [Psychological theory of activity: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Smysl, 2006, pp. 80–91.
9. Ivannikov V.A. Psikhologicheskie mekhanizmy volevoi regulyatsii [Psychological mechanisms of volitional regulation]. Moscow: Publ. URAO, 1998. 144 p.
10. Ivannikov V.A. Osnovy psikhologii. Kurs leksii [Fundamentals of psychology. Lecture course]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2010. 336 p.
11. Ivannikov V.A., Barabanov D.D., Monroz A.V., Shlyapnikov V.N., Eidman E.V. Mesto ponyatiya «volya» v sovremennoi psikhologii [The place of the concept of “will” in modern psychology]. Voprosy psikhologii [Questions of Psychology], 2014, no. 2, pp. 15–23. (In Russ.; abstr. in Engl.).
12. Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N. Volya kak produkt obshchestvenno-istoricheskogo razvitiya chelovechestva [Will as a product of the socio-historical development of mankind]. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal], 2012. Vol. 33, no. 3, pp. 111–121. (In Russ.; abstr. in Engl.).
13. Kliks F. Probuzhdayushcheesya myshlenie [Awakening thinking]. Moscow: Publ. Progress, 1983. 302 p.
14. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. Moscow: Publ. Respublika, 1994. 384 p.
15. Levi-Stros K. Put' masok [Path of masks]. Moscow: Publ. Respublika, 2000. 399 p.
16. Leont'ev A.A. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' [Language, speech, speech activity]. Moscow: Publ. Editorial URSS, 2003. 216 p.
17. Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psikhiki [Problems of development of the psyche]. Moscow: Publ. Mysl', 1965 574 p.
18. Leont'ev A.N. Leksii po obshchei psikhologii [Lectures on General Psychology]. Moscow: Publ. Smysl, 2000. 511 p.
19. Leont'ev A.N. Evolyutsiya, dvizhenie, deyatel'nost' [Evolution, movement, activity]. Moscow: Publ. Smysl, 2012. 560 p.
20. Luriya A.R. Yazyk i soznanie [Language and consciousness]. Moscow: Publ. Moskovskogo universiteta, 1979. 320 p.
21. Malanov S.V. Metodologicheskie i teoreticheskie osnovy psikhologii [Methodological and theoretical bases of psychology]. Moscow: Publ. Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta; Voronezh: NPO Publ. «MODEK», 2012. 407 p.
22. Malanov S.V. Ot opredeleniya psikhicheskikh yavlenii k analizu napravlenii razvitiya deistvii [From the definition of mental phenomena to the analysis of the direction of development of actions]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology], 2017. Vol. 13, no. 2, pp. 31–40. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/chp.2017130204
23. Roberts E. Evolyutsiya. Proiskhozhdenie cheloveka [Evolution. Human Origins]. Moscow: Publ. OOO Publ. «AST», 2014. 256 p.
24. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of General Psychology]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2008. 713 p.

34. Шляпников В.Н. Экспериментальная психология воли / Современная экспериментальная психология: в 2 т. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 313–327.

35. Якутенко И. Воля и самоконтроль: Как гены и мозг мешают нам бороться с соблазнами. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 456 с.

25. Serkin V.P. Khokhot shamana [The shaman's laughter]. Moscow: Publ. Zebra E, 2004. 176 p.

26. Smirnova E.O. Razvitie voli i proizvol'nosti v rannem i doshkol'nom vozrastakh [Development of will and arbitrariness in the early and preschool ages]. Moscow: Publ. «Institut prakticheskoi psikhologii»; Voronezh: Publ. NPO «MODEK», 1998. 256 p.

27. Solomonik A. Semiotika i lingvistika [Semiotics and linguistics]. Moscow: Publ. «Molodaya gvardiya», 1995. 352 p.

28. Surmava A.M. Myshlenie i deyatel'nost' [Thinking and Action]. Moscow: Publ. NIU MIET, 2012. 264 p.

29. Tokarev S.A. Rannie formy religii [Early forms of religion]. Moscow: Publ. Politizdat, 1990. 622 p.

30. Kheierdal T. Aku-Aku. Taina ostrova Paskhi [Aku-Aku. The mystery of Easter Island]. Moscow: Publ. Detskoi Literaturny Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, 1959. 295 p.

31. Frezer Dzh. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii [Golden Branch: Exploring Magic and Religion]. Moscow: Publ. AST, 2003. 784 p.

32. Fritt K. Mozg i dusha. Kak nervnaya deyatel'nost' formiruet nash vnutrennii mir [Brain and soul. How nervous activity shapes our inner world]. Moscow: Publ. AST, CORPUS, 2014. 335 p.

33. Shlyapnikov V.N. Issledovaniya volevoi regulyatsii v sovremennoi zarubezhnoi psikhologii [Investigations of volitional regulation in modern foreign psychology]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2009, no. 2, pp. 135–144.

34. Shlyapnikov V.N. Eksperimental'naya psikhologiya voli [Experimental Psychology of Will]. In *Sovremennaya eksperimental'naya psikhologiya* [Modern Experimental Psychology]. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2011, pp. 313–327.

35. Yakutenko I. Volya i samokontrol': Kak geny i mozg meshayut nam borot'sya s soblaznami [Will and self-control: How genes and the brain prevent us from fighting temptations]. Moscow: Publ. Al'pina non-fikshn, 2018. 456 p.